

5.2 Обзор альтернативных исследовательских подходов

Основные исследовательские подходы, рассматриваемые для оценки эффективности проекта «Железное кольцо Урала», были сформулированы, ориентируясь на то, что выявление и описание изменений (ценностных, поведенческих, идентичностных, инфраструктурных), происходящих в обществе под воздействием культурно-просветительского проекта о промышленном наследии, и тестирование различных оценочных дизайнов — явление сложное и многогранное. Первый подход — **реалистическая оценка** — выбран в качестве основного, так как он наиболее адекватен для анализа институциональных, сетевых и ценностных эффектов проекта. Второй подход — **нарративный** — предложен как альтернативный. Третий подход – **интегративный оценочный дизайн**, сочетающий элементы трансформационного и поведенческого подходов.

Реалистический подход

Для оценки эффектов проекта «Железное кольцо Урала» выбран реалистический подход, где важно определить не только результат, получаемый от запланированных действий (выпуск контента, проведение экскурсий, достижение KPI), но и выявить тот результат, который проявляется дополнительно у его участников и партнёров благодаря специфическим механизмам воздействия.

Данный подход обосновывался в исследованиях Р. Паусона и Н. Тилли [9, 10] и получивший в последние годы широкое распространение в практике оценки социальных и культурных программ. Данный выбор обусловлен ориентацией на выявление институциональных, сетевых и ценностных эффектов проекта, что требует анализа не столько достижения формальных показателей, сколько понимания того, **почему, при каких условиях и для кого** проект оказывает влияние, какие управленческие практики, партнёрские связи и ценностные установки формируются, как в этом отражается динамика

процесса формирования локальной идентичности и профессионального интереса у молодёжи.

Теоретическое обоснование. Реалистическая оценка базируется на научном реализме и предлагает альтернативу как неоклассическим экспериментальным дизайнам (ориентированным на вопрос «Что работает?»), так и интерпретационным подходам, фокусирующимся исключительно на субъективных смыслах. Ключевая формула реалистической оценки — **контекст – механизм – результат**, согласно которой проект, его «вмешательство» приводит к результатам не автоматически, а через активацию определённых механизмов, которые срабатывают (или не срабатывают) в зависимости от контекста. Таким образом, применительно к рассматриваемому проекту данный подход позволяет рассматривать все события и мероприятия (исследовательские экспедиции, создание цифрового портала, проведение выездных экскурсий, медиапродвижение) как особое «вмешательство» в информационно-культурную среду региона, а организационную деятельность — как совокупность ресурсов и идей, которые запускают у различных категорий участников механизмы, ведущие к изменениям в практиках межсекторного взаимодействия, туристического поведения и профессиональной самоидентификации.

Цель и фокус оценки. В рамках такого подхода при оценке результатов проекта фокус смещается с вопроса «Достигнуты ли плановые показатели?» на вопросы «Какие механизмы вовлечения и партнёрства были задействованы/созданы проектом?», «В каком контексте эти механизмы оказались эффективными для аудитории 14–25 лет?», «Какие институциональные и ценностные изменения произошли в результате реализации проекта?». Основное внимание уделяется управленческим и социокультурным эффектам: изменениям в подходах музеев, колледжей и предприятий к совместному просвещению, интеграции маршрутов в образовательные программы, появлению новых форматов межотраслевого

взаимодействия и укреплению традиционных ценностей («историческая память», «созидательный труд»).

Методы и источники данных. Дизайн исследования предполагает использование смешанных методов с доминированием качественной компоненты на этапе интерпретации. В качестве основных методов сбора данных используются:

1. глубинные полуструктурированные интервью с организаторами проекта, представителями партнёров (Первоуральский металлургический колледж, Невьянский ГИАМ, Центр молодёжной политики, промышленные предприятия), экспертами (Е.Г. Неклюдов, Л.Н. Аверина, Б.С. Петров);
2. анализ документов (соглашения о сотрудничестве, стратегии развития территорий, протоколы координационных встреч, отчёты партнёров);
3. прямое наблюдение на экскурсиях (фиксация поведенческих индикаторов вовлечённости, эмоциональных реакций, групповой динамики);
4. веб-аналитика (Яндекс.Метрика, GA4) и мониторинг медиаохватов для контекстуализации качественных выводов. Количественные методы (анкетирование участников экскурсий по схеме «до/после») используются как вспомогательный инструмент для оценки масштаба распространённости выявленных механизмов и проверки статистической значимости сдвигов в знаниях и установках.

Логическая модель исследования. В рамках реалистического подхода теория изменений в рамках реализации проекта будет заключаться в следующих предположениях: **Гипотеза 1 (сетевой и институциональный эффект):** Если проект демонстрирует высокую социальную значимость, медийную успешность и чёткую координацию, то он активирует механизм «формирования устойчивых партнёрств» у представителей музеев, колледжей и предприятий, что ведёт к интеграции маршрутов «Железного кольца» в

муниципальные программы развития туризма и образовательные практики, а также к появлению намерений по постгрантовой поддержке.

Гипотеза 2 (идентичностно-ценностный эффект): Если молодёжь 14–25 лет вовлекается в иммерсивные экскурсии с экспертными нарративами о мастерах, технологиях и истории городов-заводов, то активируется механизм «эмоционального соприкосновения с наследием», ведущий к укреплению локальной идентичности, росту чувства гордости за регион и осознанию связи между индустриальной историей и современными профессиональными выборами.

Гипотеза 3 (информационно-поведенческий эффект): Если созданный мультимедийный контент (видео ≥ 10 мин., статьи, интерактивная карта) размещается на удобном портале и партнёрских медиа, то активируется механизм «цифровой доступности и визуального вовлечения», следствием чего станет мотивация к самостоятельному посещению локаций, росту туристического интереса в УФО и повышению узнаваемости бренда проекта.

Вывод:

Таким образом, такой подход позволяет:

1. не ограничиваться только проверкой выполнения формальных KPI (75 000 уникальных посетителей, 175 участников экскурсий и т.д.), а выявить почему и при каких условиях проект работает (или не работает);
2. учесть многоуровневость воздействия — от индивидуального (сдвиг в знаниях и установках у студентов) до социального (укрепление локальной идентичности, развитие креативного и промышленного туризма);
3. усилить практическую полезность результатов оценки для последующего развития проекта, запуска «Медного» и «Жемчужного колец» и тиражирования методики.

Границы применимости. Наибольшую эффективность реалистический подход демонстрирует при исследовании сложных многофакторных проектов, где важно учитывать конкретные обстоятельства и факторы, приводящие к

изменениям, а не только конечный результат. Тем не менее, такой метод обладает определёнными недостатками: он подразумевает большие затраты времени на сбор и обработку качественной информации, а также высокий уровень подготовки специалиста, способного выявить и сформулировать ключевые механизмы. К тому же, реалистическая оценка ограничена в тех случаях, когда необходимы строгие статистически обоснованные доказательства причинно-следственных зависимостей долгосрочных изменений идентичности, либо возникают трудности с получением сведений от ключевых участников процесса.

Нарративный подход

Нарративный подход рассматривался в качестве альтернативного. Основания данного метода видятся в концепциях нарративной психологии и социологии, разработанных в трудах Джерома Брунера [6, 7, 8] и исследованиях результативности изменений в сфере культурной политики в рамках отечественных исследований исторической политики и региональной идентичности [1, 2]. Этот метод направлен на анализ процесса построения и интерпретации участниками проектов собственных историй своего вовлечения, а также на выявление того, каким образом эти изменения и повествования о них выражают трансформации их ценностей, самоидентификации и восприятия окружающей институциональной среды.

Теоретическое обоснование. Нарративная оценка исходит из предположения, что люди осмысливают свой опыт и придают ему значение через рассказывание историй. Изменения, происходящие с участниками проекта, — в том числе изменения в их отношении к традиционным ценностям (историческая память, созидательный труд), к истории Урала, к институтам власти и сообществу — находят отражение в изменениях нарративов: в сюжетах, в ключевых персонажах, в оценках событий. В исследованиях О.А. Вальгер доказывалось, что использование нарративного подхода позволяет на основе глубинных интервью определить особенности национальной и локальной идентичности [1]. В рамках оценки культурных проектов

нарративный подход позволяет зафиксировать не только фактические изменения (например, количество посещённых локаций или просмотренных видео), но и то, как эти изменения осмысляются и переживаются участниками, как они встраиваются в их личные истории профессионального и гражданского становления.

Цель и фокус оценки. Фокус нарративной оценки сосредоточен на выявлении изменений в ценностных приоритетах, идентичности (включая профессиональную и локальную идентичность) и картине мира участников. В контексте проекта «Железное кольцо Урала» особый интерес представляют нарративы о преемственности поколений («мне передали знания предки/мастера», «я хочу сохранить это для своих детей»), нарративы о гордости за малую родину и индустриальное наследие, а также нарративы, фиксирующие изменения в восприятии промышленных городов и заводов («раньше считал, что завод — это только шум и экология, а теперь вижу в этом силу и традицию»).

Методы и источники данных. Основным методом сбора данных выступает нарративное интервью — особая форма глубинного интервью, в котором респондента (участника экскурсии, студента колледжа) побуждают к свободному, хронологически организованному рассказу об истории его участия в проекте и восприятии Урала. В отличие от полуструктурированного интервью с заранее заданными вопросами, нарративное интервью минимизирует вмешательство интервьюера, позволяя респонденту самостоятельно отбирать и структурировать значимые для него события. Дополнительными методами могут выступать анализ нарративов, представленных в открытых источниках (отзывы в социальных сетях, комментарии к статьям на портале «Железное кольцо Урала», записи в гостевых книгах музеев), а также метод незаконченных историй. Анализ полученных нарративов предполагает тематическое кодирование, выявление ключевых сюжетных линий, анализ разрывов и противоречий в нарративах, а также сопоставление нарративов различных групп участников (студенты

технических специальностей vs гуманитарии, жители Первоуральска vs Нижнего Тагила).

Логическая модель исследования. Нарративная оценка в меньшей степени опирается на формальную теорию изменений и в большей — на предположение о том, что изменения в нарративах являются одновременно индикатором и механизмом изменений субъективных смыслов. Базовое предположение: участие в проекте предоставляет участникам новый опыт, новые социальные связи и визуальные/информационные стимулы, что неизбежно требует пересмотра и пересказа их личной истории. Этот процесс нарративной реконструкции, в свою очередь, укрепляет позитивные изменения в идентичности и ценностных установках (в том числе в приверженности ценностям «историческая память и преемственность поколений» и «созидательный труд»), закрепляя их на уровне личного смысла.

Границы применимости. Нарративная оценка обладает рядом преимуществ: она даёт доступ к глубинным, субъективно значимым изменениям, которые трудно уловить формализованными опросниками; позволяет зафиксировать неожиданные, не предусмотренные исходным дизайном эффекты; создаёт эмпатический, доверительный контекст взаимодействия с респондентами, повышая достоверность получаемых данных. Однако у этого подхода есть и существенные ограничения. Во-первых, нарративные данные чрезвычайно трудоёмки в сборе и анализе. Во-вторых, нарративы подвержены эффекту ретроспективной рационализации. В-третьих, субъективные нарративы участников могут существенно расходиться как между собой, так и с объективными данными (например, о реальном количестве посещений или медиаохватах), поэтому нарративная оценка целесообразна лишь в комбинации с другими методами, обеспечивающими верификацию выводов.

Интегративный оценочный дизайн, сочетающий элементы двух теоретических подходов.

Теоретическое обоснование. В основе оценочного дизайна лежит синтез трансформационного подхода, акцентирующего изменения в ценностных ориентациях и идентичности участников как результат их вовлечения в проектную деятельность, и поведенческого (бихевиорального) подхода, фокусирующегося на регистрации конкретных действий, практик участия и намерений, выраженных в установочных вопросах. Данный синтез позволяет оценивать не только декларируемые ценностные сдвиги, но и их поведенческие корреляты — от готовности к участию в экскурсиях до создания реального интереса к промышленным профессиям и краеведческим инициативам. Ценность, например, в сознании целевых групп (молодёжь 14–25 лет) возможно измерять через её образ и смысловую идентификацию (устойчивое убеждение), психологическую установку (аттитюд как склонность к действию) и само действие — конкретное проявление установки в определённых обстоятельствах. Тем самым реализуется уровневая модель формирования ценностей, восходящая к классическим работам М. Рокича и современным адаптациям в российской прикладной социологии.

Цель и фокус оценки. При оценке эффективности проекта «Железное кольцо Урала» возможно определять, как в связи с ним актуализируются форматы творческой и познавательной самореализации молодёжи, стимулируя развитие их креативности и восприятие созидательного труда как ценности через знакомство с историей мастерства. Также возможна оценка формирования привязанности к месту жительства (городу, посёлку), связанной с локальной идентичностью, обладающей уникальными для территории идентификаторами (смыслами, историческими артефактами, индустриальными пейзажами). Важной методологической особенностью является учёт поколенческой специфики и определение того, как проект позволяет молодым людям самореализоваться в изучении родного края, осознавать промышленное наследие как ценность и получать социокультурный продукт, значимый для общества.

Методы и источники данных. Дизайн предполагает многоаспектную стратегию сбора данных, где используются количественные и качественные методы. Количественный блок представлен массовым онлайн-анкетированием участников экскурсий по схеме «до/после» (шкалы знаний, локальной идентичности, отношения к труду, планов на будущее). В рамках качественных методов традиционно используются фокус-группы (3 группы по 6–8 человек) и полуструктурированные интервью с партнёрами и экспертами. Также используются анализ документов, протоколы наблюдения на маршрутах и контент-анализ активности в социальных сетях и на портале проекта.

Логическая модель исследования. Проект выступает в роли своеобразной площадки или поля возможностей (особой «среды»). Посредством участия в различных событиях такой «среды» в рамках проекта — будь то исследовательские экспедиции, создание видеоконтента, посещение заводов-музеев, живое общение с хранителями промыслов, экскурсии — участники получают стимул к саморазвитию посредством познавательной и культурной активности. Запуск механизма самовыражения и раскрытия потенциала происходит благодаря следующим условиям: привлекательному содержанию и актуальным вопросам, наличию благоприятной социальной атмосферы и экспертного окружения, возможности задавать вопросы и получать развёрнутые ответы, поддержке организаторов и технической инфраструктуре портала, а также публичному признанию и медиапопуляризации достижений региона.

Итоговыми результатами проекта становятся три компонента: во-первых, осознанный интерес к индустриальному наследию и его цифровое/физическое освоение участниками; во-вторых, позитивные перемены в мотивации людей (ощущение удовлетворённости процессом открытия, стремление принимать участие в дальнейших инициативах, желание самостоятельно инициировать краеведческие проекты); и, наконец, формирование ценности опыта участия и взаимодействия в подобном проекте как инструмента сохранения памяти и труда.

Границы применимости. При этом комбинация таких подходов также не лишена ограниченности. Совокупность количественных методов сбора данных фиксирует лишь выраженные перемены в самоидентификации, интересах и планах участников, однако не отражает процесс устойчивого усвоения ценностей и формирования прочных поведенческих моделей; фактически фиксируется краткосрочный эффект, а не долговременные трансформации. Качественные методы (интервью, фокус-группы) не претендуют на статистическую репрезентативность, а при групповом обсуждении общий опыт и эмоциональное единство могут формировать схожие оценки, снижая вариативность мнений. Добровольный характер участия в опросах и экскурсиях вносит элемент самоотбора и ограничивает генерализацию. Помимо собственно методологических ограничений, можно выделить организационные и коммуникативные вызовы: разный язык/дискурс стейкхолдеров (исследователи — организаторы — партнёры — молодёжь), противоречия в целеполагании (ориентация организаторов на процесс и контент, а грантодатель и партнёры ожидают устойчивых социокультурных эффектов), дефицит временных и материальных ресурсов у всех взаимодействующих субъектов. Указанные ограничения носят как эпистемологический, так и институциональный характер, что требует особой осторожности при генерализации выводов и разработке рекомендаций.

Список использованных источников

1. Вальгер О.А. Нарративная национальная идентичность как история личного участия в глобальных процессах // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2023. – Т. 17, № 1. – С. 17- 49.
2. Казьмина В.П. Реконструкция исторического парка «Россия – моя история»: смена вектора символической политики? // Политическая наука. – 2020. – № 2. – С. 143–162.

3. Карпова О. В., Невердовская М. А., Синяева О. Ю. Целевые показатели национального проекта «Культура» в контексте международной практики: эффективность управленческого инструментария и потенциал влияния на развитие сферы культуры [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 5. С. 62–88. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1103> (дата обращения: 08.05.2026).
4. Кутузова Д.А. Введение в нарративную практику // Журнал практического психолога. – 2011. – № 2. – С. 23–41.
5. Тульчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза и социальная семиотика: возможности регионального социокультурного проектирования // Человек. Культура. Образование. – 2022. – № 1(43). – С. 101-113.
6. Bruner J.S. Actual minds, possible worlds. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.
7. Bruner J.S. Acts of meaning. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990.
8. Bruner J. Self-making and world-making // Journal of Aesthetic Education. – 1991. – Vol. 25, No. 1. – P. 67–78.
9. Pawson R. The Science of Evaluation: A Realist Manifesto. – London: Sage Publications Ltd, 2013. – 240 p.
10. Pawson R., Tilley N. Realistic Evaluation. – London: Sage Publications Ltd, 1997. – 256 p.
11. Price H., Domoney J., Ariss S., Hughes E., Trevillion K. Documentary Analysis Within a Realist Evaluation: Recommendations From a Study of Sexual Assault Referral Centres // International Journal of Qualitative Methods. – 2021. – Vol. 20. – P. 1–13.
12. del Barrio Tellado M.J., Espinosa Casero F., Gómez Zapata J.D., Herrero L.C. Cultural Policy Evaluation: Benchmarking Stakeholders' Preferences Using The Analytic Hierarchy Process Technique // EKONOMIAZ. Revista vasca de Economía. – 2025. – Vol. 107, No. 01. – P. 198–229.